

Насущной задачей для стран — членов ШОС остается укрепление центральной и координирующей роли ООН в мировых делах.

Китай готов по линии ООН принять участие в урегулировании ситуаций в горячих точках и так называемых проблемных регионах (Афганистан, Корейский полуостров, Ближний Восток, Иран, Судан, Зимбабве и др.). Вместе с тем Китай выступает против попыток Запада решать проблемы на условиях Запада и в его интересах. КНР призывает к ликвидации социально-экономических причин, порождающих терроризм, серьезное неравенство в мире, чрезмерное богатство одних и бедность других, что является одним из главных источников нестабильности [3, 66].

Все эти инициативы говорят о том, что из страны, доселе бросавшей вызов существующей системе международных отношений или занимавшей позицию стороннего наблюдателя, руководствуясь статусом крупной развивающейся страны, Китай стал превращаться в активного участника и строителя этой системы. Всем глашатаям якобы возрастающей «китайской угрозы» КНР ясно дает понять, что не стремится к всемирной гегемонии, а только предлагает Западу поделиться с ним, как с одним из центров многополярного мира, этой гегемонией.

1. Алексеев И. С. Искусство дипломатии. М., 2006.
2. Ганшин В. Прочность «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6.
3. Общество и государство в Китае (спец. выпуск). М., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 323(510) + 330.341.1:32

К. Г. Муратшина

«КИТАЙ-2050»: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ

Успехи китайской политики «реформ и открытости», которые выводят КНР в число мировых лидеров, в немалой степени обусловлены умением стратегически мыслить. Автор делает попытку анализа подходов к стратегическому планированию, организационных усилий государства и преемственности в действиях руководителей страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: стратегическое планирование, стратагемы, преемственность.

В докладе XVII съезду КПК (октябрь 2007 г.) Ху Цзиньтао обозначил генетическую связь современного курса КНР со всей предшествующей политикой страны со времени ее образования. Реформы Мао Цзедуна, как отметил Генсек КПК, дали «ценный опыт в процессе упорного и настойчивого зондирования

законов строительства социализма» [15]. «Ядром второго поколения» он назвал Дэн Сяопина, а последующие руководители партии вместе с народом «унаследовали» и «успешно продвинули в XXI в. великое дело реформ». Если задаться целью и хотя бы бегло сравнить статьи и выступления Мао Цзедуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, мы должны будем согласиться: ими яростно пропагандируется общее стремление к «организации, сплочению в деле построения независимого, свободного, демократического, единого, богатого и могучего Нового Китая» [8, 460]. Отметим эту особенность подхода к реформированию страны — извлечение опыта, в том числе отрицательного, из предыдущих этапов развития, выстраивание новых ориентиров не на месте разрушенного старого фундамента, как в России, а на самых его крепких, проверенных столетиями частях. И тогда нам будет понятно, что анализ каждого из этапов индустриализации страны давал китайским ученым богатый материал для исправления ошибок, планирования на перспективу. XVII съезд уточнил основные направления работы КПК на пятилетку (до 2012 г.) и задачи, которые должны быть решены к 2020 г. Главное — построение общества сяокан (среднезажиточного), среди основных характеристик которого — уровень дохода в городах и поселках 18 тыс. юаней на человека (в ценах 2000 г.) и 8 тыс. юаней в селах; увеличение доли выпускников средних школ, поступающих в вузы, с 11 до 25 %; обеспеченность семей компьютерами с 9,7 до 20 % и т. д. Эти документы рассматривались и корректировались, исходя из обстановки и новых вызовов, как часть главного стратегического плана до 2050 г.

«Прогноз-2050» — это четко сформулированная и просчитанная с учетом всевозможных вызовов стратегия экономического развития Китая, преобразования его экономики в индустриально-информационную, подъема на уровень экономически развитых стран. По расчетам авторов, к промежуточному 2030 г. КНР по производству ВВП догонит США, а в 2050 г. производство ВВП в КНР в абсолютных цифрах в 2 раза превысит показатели ВВП США. Предполагаемый объем ВВП должен составить 153 трлн юаней, или в среднем 100 тыс. юаней на человека. Это означает главенствующее положение страны в мире: по уровню развития науки и техники и в других областях Китай должен превзойти развитые страны [11, 34].

Разработчики «Прогноза-2050» — многоопытные китайские ученые-прогнозисты, в основном из Института количественных и технико-экономических исследований Академии общественных наук. Кроме того, к работе были привлечены специалисты из Отдела прогнозирования Комитета по планированию и развитию КНР, Пекинского и Народного университетов, а также самые видные ученые КНР, за плечами которых многие фундаментальные исследования. Возглавлял подготовку труда автор фундаментальных работ в области экономики КНР, в том числе прогнозирования, профессор Ли Цзинвэнь, являющийся иностранным действительным членом РАН.

«Прогноз разрабатывался в 1996–1997 гг., однако известно, что еще в 1989 г. Дэн Сяопин предложил ответственным работникам ЦК КПК “создать группу, которая займется изучением проблем стратегии и программой развития на первую половину грядущего века”, так как считал, что “при осуществлении модер-

низации необходимо исходить из реальной действительности Китая... и нужно со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран... идти собственным путем» [4, 3–4].

В связи с осознанием руководителями России необходимости стратегического планирования укажем, насколько серьезным был подход к разработке Программы в КНР. Если у нас авторами стратегии концепции развития до 2020 г. называют специалистов Минэкономразвития, в Китае к работе были привлечены, кроме указанных экономистов (своих, китайских), историки, политологи и социологи, спецслужбы, для чего были созданы десятки институтов. Историки проанализировали причины поражения Китая в борьбе с Западом в эпоху Цин (сто лет агрессии и унижения, по выражению Дэн Сяопина); вышел фундаментальный труд «История династии Цин (1644–1912)» на основе не только китайских источников, но и мирового китаеведения. С 70-х гг. прошлого века в КНР появилась новая дисциплина — «История и география приграничных районов Китая». Однако кроме китайских районов эта дисциплина изучает граничащие с Китаем страны. Помимо монографий по этой теме сейчас вышло 6 серий почти из 40 томов. Не надо объяснять, насколько хорошо китайцы изучили состояние дел в России, чтобы, исходя из этого определять суть стратегического партнерства, которое формируется между нашими странами.

Только в Пекине было создано несколько центров изучения зарубежного (мирового) китаеведения: Институт изучения России (с 1986 г.), Институт изучения мировой синологии при Пекинском университете языков (с 1995 г.), Центр изучения мирового китаеведения при Пекинском университете иностранных языков (1996), Институт мировой синологии при Университете Цинхуа (1992), Центр изучения зарубежного китаеведения при АОН КНР (2003), Институт изучения китайской культуры за рубежом при Институте искусствознания. Следует отметить и деятельность издательства «Чжунхуа шуцзюй», которое переводит и издает труды зарубежных китаеведов [6, 9–12].

И. Панарин, профессор дипломатической Академии МИД РФ, автор многих книг и учебников по информационным войнам, утверждает, что Дэн Сяопин, начиная реформирование, опирался на стратегию разработку спецслужб, в основе которой лежала концепция добывания финансовых ресурсов и передовых технологий.

2050 г. выбран не случайно. КНР к этому времени должно исполниться 100 лет, отметит юбилей и КПК. Именно такой срок Дэн Сяопин и его последователи отводят на построение социализма с китайской спецификой: «За два десятилетия, то есть к концу нашего века, увеличить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в четыре раза, достигнуть среднезажиточного уровня жизни... Для того чтобы стать действительно развитой страной... Китаю потребуется еще 30–50 лет» [5, 120]. КНР к 2050 г. должна стать супердержавой, финансовым, технологическим, научным центром мира.

В стратегии и «Прогнозе» восхищают логика и расчеты. Авторы, казалось, не упустили ничего в развитии движущих сил, определении этапов, постановке промежуточных задач, ведущих к конечной цели. Вот один из примеров.

**Оценка уровня модернизации Китая в первой половине XXI в.
(Чжунго сяньдайхуа баогао-2004 Бэйцзин дасюэ чубаньше. С. 112) [7, 346]**

Наименование показателя	2000	2020	2030	2040	2050
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников на 10 000 жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов на 1 млн жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием, %	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием, %	7,2	24	34	48	68
Охват ТВ, телевизоров на 1000 человек	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет, пользователей на 10 тыс. жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация, %	36	53	61	71	81
Средняя продолжительность жизни, лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление, кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4616
Среднедушевой ВВП (2000), долл.	840	2451	3992	6503	10 593
Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности (2000), долл.	3920	11 435	15 368	20 653	27 756
Доля отраслей материального производства в ВВП, %	67	45	37	30	24
Доля занятых в материальном производстве, %	73	49	40	33	27

Это сокращенный вариант таблицы. Хотелось обратить внимание на такие непривычные для россиян моменты, как планирование средней продолжительности жизни, среднедушевого потребления энергии, нефти, ВВП.

Россия утратила развитые в СССР навыки комплексного планирования развития экономики страны в целом, отдельных отраслей, доверившись стихии рынка. И только в наши дни начинается возвращение к прогнозному планированию. Схематичный прогноз развития до 2020 г. ориентирован на встраивание в западные инновационные схемы. Е. М. Примаков характеризует его как «индикативный план, т. е. план, содержащий показатели-индикаторы, призванные помочь предприятиям сориентироваться в экономической конъюнктуре и разрабатывать собственные планы развития» [10, 110]. Думается, жизнь заставит руководителей России разрабатывать и конкретные, увязанные по срокам, ресурсам, приоритетам планы, так же как и просчитанные планы в отношении внешнеэкономического сотрудничества с КНР.

Ядро или знамя стратегии развития КНР — идея «великого возрождения нации Китая». Многие специалисты в мире считают, что речь идет об объединении ханьцев. Однако после социологических опросов китайцев, живущих в России, В. Г. Гельбрас отметил, что под «нацией» все они сегодня понимают «китайцев всего мира». Проанализировав, какие усилия руководство КНР прилагает для привлечения к реформированию и «объединению Родины» китайских мигрантов во всем мире, ученый пришел к выводу: идея «великого возрождения нации Китая» — это новый «великий поход», выраженный в глобальной стратегии внешнеэкономического наступления

под девизом «Идти вовне»; это далекоидущие планы глобального национального возвышения, доказательства национального превосходства над всеми народами [2, 17–20].

Сегодня синологи всего мира говорят о стратагемности китайского мышления и его стратегических разработок. «Стратагемность — стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость». Один из оттенков понятия «одновременно означает и сообразительность, и изобретательность, и находчивость» [9, 8]. Первым западным дипломатом, упомянувшим термин «стратагема» применительно к Китаю, был русский С. Л. Владиславич-Рагузинский, который в 1727 г. написал о китайских чиновниках: «И сию вторую стратагему они чинили, чем бы меня обмануть» [Там же, 29].

Но к этому времени искусство составления стратагем и применения их в управлении, дипломатии, военном деле уже существовало в Китае в великой тайне третье тысячелетие. Академик В. С. Мясников, впервые написавший о стратагемности в конце 80-х гг. прошлого века, отмечает: «Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось в стратагемном оснащении... Стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства... Стратагемность — это способность просчитать ходы в политической игре, а порой не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника» [Там же, 8–10].

Стратагемность стала чертой национального характера и особенностью национальной психологии. Х. фон Зенгер, собиравший материал для своей монографии «Стратагемы» 15 лет, утверждает, что стратагемы существуют у всех народов (он приводит в пример И. В. Сталина, который при освобождении Варшавы действовал в духе стратагемы № 3 «Убить чужим ножом»; у нас она звучит «Чужими руками жар загребать»), но нигде в мире, кроме Китая, нет свода стратагем, которые на протяжении тысячелетий заучивают с детства как таблицу умножения.

Принципом древних 36 стратагем, состоящих из 138 иероглифов, можно считать афоризм Сунь-цзы: «Непобедимость заключена в самом себе, возможность победы заключена в противнике». Этот же принцип лежит и в основе всех восточных боевых искусств. Сунь-цзы дает наставления: «Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает» [12, 68–69]. Уже древние комментаторы отмечали универсальность законов, выведенных китайским мыслителем, главную цель всех войн, дипломатических усилий, любых действий правительства и государства — получение

выгоды. «Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь» [12, 182].

Стратегемность веками была оружием китайских политиков и военных, секретным национальным достоянием. Китайцы классифицировали стратегемы по видам, разработали методику применения каждой в зависимости от конкретной ситуации. «Трактат о 36 стратегемах» — бесценный банк данных, из которого черпаются «ходы» во многих областях жизни и главным образом в разработке планов развития собственной страны и внешней политики.

Т. Трампедах отмечает, что сегодня китайские трактаты по искусству уловок ведения борьбы, стратегемы, издаются в КНР огромными тиражами. Они содержат практические советы политикам, военным, бизнесменам, чиновникам. Китайская культура реальной политики — это ориентация на власть и собственный интерес без учета идеологии или моральных соображений. Передавая свою беседу с профессором Института международных отношений при Пекинском университете Лян Юйту, немецкий синолог подчеркивает: профессор Лян считает, что сегодня во внешней политике государства действуют стратегемы, ведущие к расширению геополитического влияния и возвращению статуса реальной крупной державы. Китай ведет внешнюю политику, исходя из «опыта политики ведения войн и борьбы за власть... который ставит во главу угла конфликты, интриги, вероломство, недоверие и хитрость» [13, 308, 312].

Китайские лидеры цитируют заветы Дэн Сяопина, определяющие особенности тактики при движении к стратегической цели: «Хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» [14, 473]. Российские синологи в последние годы пришли к твердому выводу, что цель Китая в нынешнем веке — реализация своего геополитического кода: стать центром мира в экономике и политике, а географически — вернуть в свои границы все, что было отнято иностранными варварами. Они подчеркивают: тысячелетиями в Китае культивировалась мысль о том, что все китайское — мысль, культура, модель общественного развития, устройства общества — это нечто исключительное, выше всего существующего в мире, что внешний мир несправедлив к китайцам, он их территориальный и моральный должник. Нации-обидчики должны заплатить Китаю за обиды, а для Китая «чрезвычайную важность приобретает умение манипулировать внешнеэкономическими стратегическими и тактическими расчетами и эмоциями, тем более что такого рода манипулирование представляется руководителям страны необходимым в целях решения внутренних китайских экономических и политических задач» [1, 51, 53].

Ю. М. Галенович проанализировал идеологию американского и китайского понимания мирового лидерства. В случае с США американское господство — это союз государств, наций, нечто вроде Соединенных Штатов Земли, разделяющих американские ценности. Китай, предпочитающий называться «государством нации Чжунхуа», тем самым отдает предпочтение одной нации — хань,

все другие нации могут войти в государство ханьцев, более того, они неизбежно будут ассимилированы ханьцами [Там же, 111–113].

А. П. Девятков, отбросив стесняющие требования политкорректности, называет стратегический план развития КНР до 2050 г. «китайским проектом, который преследует цели:

— отомстить иностранцам, преимущественно англосаксонского и японского корня, за позор и унижения в период “опиумных войн”, разорения и оккупации с середины XIX–XX в.;

— продемонстрировать окраинным народам культурное первородство;

— вернуть и закрепить в сознании своего народа традиционное представление о Китае как Центре Земли, где все прочие государства рассматриваются как культурно неполноценные» [3, 391].

Таким образом, вся политика КНР является строго выверенным воплощением стратегических планов, в которых учтены не только собственные возможности, но и потенциал партнеров по международному сообществу. Главным стратегическим партнером и противником для КНР являются США, именно их китайцы постараются превзойти к 2050 г. А для этого КНР предпринимает широкомасштабные усилия по обеспечению своей экономики необходимыми ресурсами, в чем определенная роль отводится России. Складывается впечатление, что в самой России нет четкого осознания возможных последствий этого, так как ее политика на китайском направлении не меняется второе десятилетие.

1. Галенович Ю. М. Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999.

2. Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.

3. Девятков А. П. Практическое китаеведение. М., 2007.

4. Дэн Сяопин. Вступительная речь на XII Всекитайском съезде КПК 1 сентября 1982 г. // О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин, 1984.

5. Дэн Сяопин. Идея «одно государство — два строя» выдвинута на основе реальных условий // Основные вопросы современного Китая. М., 1988.

6. Ипатов А. С. К вопросу о новых направлениях и тенденциях в исторической науке КНР // Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее) : тез. докл. XVI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2006. Ч. 2.

7. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия-2050: стратегия соразвития. М., 2006.

8. Мао Цзедун. Политический отчет ЦК КПК VII съезду КПК 24 апреля 1945 г. // Избранные произведения. М., 1953. Т. 4.

9. Мясников В. С. Предисловие и комментарии к работе Харро фон Зенгера «Стратегемы». М., 2004.

10. Примаков Е. М. Мир без России? М., 2009.

11. Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050) : коллектив. моногр. под ред. М. Л. Титаренко. М., 2002.

12. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Искусство стратегии: древнекитайские трактаты / пер., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. М., 2007.

13. Трампедах Т. Китайская культура реальной политики и ее влияние на политическое поведение КНР // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004. С. 308, 312.

14. Цзян Цзэминь. Выступление перед слушателями 3-го набора семинара по изучению теории партстроительства (31 июля 1991 г.) // О социализме с китайской спецификой. Кабинет ЦК КПК по изучению документов. М., 2004. Т. 3.

15. Доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6283847.html>. 7.11.2007.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 323(510) + 327(510) + 327(5-015) + 221.7

С. В. Смирнов

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КИТАЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию глобального конфуцианского проекта Китая. Анализируется, каким образом и с какой целью китайские власти используют конфуцианское наследие в целях внутренней и внешней политики. Рассматривается роль Института Конфуция в реализации Китаем глобального конфуцианского проекта.

Ключевые слова: конфуцианство, глобализация, конфуцианские ценности, Институт Конфуция.

Последние два десятилетия внесли кардинальные изменения в расстановку мировых экономических и политических сил. Как отмечал в свое время крупный представитель школы миросистемного анализа А. Г. Франк, «центр мира» во второй половине XX в. вновь стал перемещаться в Азию. Примером тому являлись динамично и стабильно развивающиеся страны Восточной Азии: Япония, «малые тихоокеанские тигры» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) и, наконец, Китай. Превращение Китая в один из центров мировой экономики в 1990–2000-е гг. усилило его политико-идеологические позиции в мировом сообществе. Выступая за создание многополярного и гармоничного мира, построенного в противовес гегемонизму и политико-культурной гомогенизации на принципах взаимопонимания, сотрудничества, мультикультурализма, толерантности, Китай предложил мировому сообществу свою модель глобализации, ценностным ядром которой стали конфуцианские идеи.

На протяжении всей истории императорского Китая конфуцианство играло исключительную роль в политической, экономической, культурной жизни страны. Признание исключительной роли конфуцианства в китайской (иногда более широко — в восточноазиатской) культуре всегда соблазняло исследователей поставить знак равенства между такими понятиями, как китаец и конфуцианец, китайская культура и конфуцианская, и определить дальневосточный культурно-цивилизационный ареал как китайско-конфуцианский. В то же время нельзя сказать, что положение конфуцианства в китайском обществе всегда было стабильно доминирующим.

В начале XX в., в условиях разворачивающейся модернизации страны, прогрессивная китайская интеллигенция, в известной степени ориентированная